

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Гринев Андрей Михайлович

**УСАДЬБЫ НЕРЕВСКОГО КОНЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА В
X в. (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА)**

Специальность 07.00.06 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва, 2019

Работы выполнены на кафедре археологии Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель - **Рыбина Елена Александровна**
доктор исторических наук, профессор кафедры
археологии Исторического факультета МГУ

Официальные оппоненты - **Панова Татьяна Дмитриевна**
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник отдела каталогов ФГБУ Музей-
заповедник «Московский Кремль»

Хвощинская Наталья Вадимовна
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник отдела славяно-русской археологии
ФГБУ науки Институт истории материальной
культуры РАН

Фараджева Наталья Николаевна
кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела средневековой археологии ФГБУ науки
Институт археологии РАН

Защита диссертации состоится «___» _____ 20__ г. в _____ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.03 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4 Шуваловский, ауд. 416.

E-mail: faculty@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <http://istina.msu.ru/dissertations/...>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е. А. Попова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Усадьбы являются основной градообразующей единицей средневекового города, и поэтому их исследование имеет большое значение для его реконструкции. При отсутствии письменных свидетельств об усадьбах Древней Руси основным источником становятся археологические материалы. Городские средневековые усадьбы впервые были открыты и изучены в Новгороде во время работ на Неревском раскопе (1951-1962). За двенадцать полевых сезонов здесь было раскопано несколько кварталов средневекового города общей площадью 8840 м², вскрыты на большом протяжении мостовые трех улиц, исследовано 17 усадеб, найдено около 1100 хорошо определимых построек и свыше 90 тысяч индивидуальных находок. Благодаря исключительной сохранности дерева по материалам Неревского раскопа впервые в отечественной историографии был разработан и применен дендрохронологический метод датирования. В результате была создана дендрохронологическая шкала, которая дала возможность получить абсолютные даты и датировать мостовые, постройки и находки с большой точностью. Все эти материалы стали ценнейшим источником по истории и археологии не только Новгорода X-XV вв., но и Древней Руси в целом.

Вместе с тем, облик Новгорода в эпоху образования древнерусского государства, его роль в этих процессах, быт и материальная культура X в. остаются малоизученными. Внимание исследователей при решении многих значимых проблем ранней истории и археологии лесной зоны Восточной Европы, как правило, сосредотачивается на других важных протогородских и раннегородских центрах, таких как Ладога, Рюриково Городище, Псков, Гнёздово, Белоозеро, Тимерево и пр. Во многом это обусловлено тем, что основная часть материалов, связанных с Новгородом X в., остается неопубликованной и не введена в научный оборот. Необходимость заполнить эту лакуну и обусловила актуальность изучения усадеб Неревского конца X в.

Степень разработанности темы. К настоящему времени материалы Неревского раскопа, касающиеся раннего Новгорода, введены в научный оборот не полностью. Опубликованы лишь постройки, детали транспорта, роговые гребни, ювелирные изделия, и отдельные предметы вооружения и находки из дерева, в то время как улицы и большинство других категорий предметов исследованы частично. Комплексный подход к изучению усадеб был предпринят П.И. Засурцевым, однако, его труд носит в значительной степени обзорный и научно-популярный характер. Подробнее об этом будет сказано в главе 1 настоящей работы. Кроме того, в работах предшественников был выявлен ряд неточностей, исправление которых также стало одной из задач текущего исследования.

Объектом исследования являются городские усадьбы, под которыми понимается комплекс одновременно существовавших построек, составляющих единое хозяйственное и архитектурное целое, выходивший на улицу и огражденный от других участков забором, и материальная культура этих усадеб.

Предметом исследования являются усадьбы Неревского конца X в., их застройка и материальная культура.

Цель исследования заключается в комплексном изучении усадеб X в. на основании анализа имеющихся источников.

Поставленная цель определила основные задачи исследования, к которым относятся:

1. Рассмотрение первоначального рельефа местности и его особенностей к началу ее антропогенного освоения.
2. Изучение доярусного слоя Неревского раскопа.
3. Исследование улиц X в. Неревского раскопа: уточнение конструкции мостовых 26-28 ярусов, анализ динамики уличного замощения, соотношение рельефа материка и направления улиц с целью проследить изменение наклона дневной поверхности от середины X в. к концу столетия.

4. Построение ярусов усадеб X в. с учетом особенностей первоначального рельефа.

5. Характеристика обнаруженных на усадьбах построек.

6. Характеристика вещевых комплексов усадеб, выявление планиграфии находок, поиск аналогий, определение этнокультурных аспектов статусных находок.

Научная новизна работы. В работе впервые комплексно исследованы материковые отложения Неревского раскопа и построена цифровая модель поверхности на момент освоения этой территории. Была решена проблема так называемого «доярусного слоя», под которым понималась прослойка культурного слоя, предшествующая появлению первых построек. Благодаря комплексному подходу к анализу источников были обоснованы и впервые полностью построены планы мостовых X в. Великой, Кузьмодемьянской и Холопией улиц и отмечены особенности их устройства на всем протяжении. Помимо этого были внесены многие поправки в вопросе динамики застройки усадеб в эпоху становления города, уточнена стратиграфия и хронология усадебных комплексов. В научный оборот в полном объеме вводятся материалы двенадцати усадеб Неревского конца X в., публикуются многие находки, некоторые из них были атрибутированы впервые.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала антропогенного освоения Неревского конца в середине X в. до большого пожара 90-х гг. X в.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее материалы во многих аналитических исследованиях по материальной культуре раннего средневековья, а также в обобщающих работах по истории и археологии Новгорода и Древней Руси в целом. Уточнение хронологии и атрибуция многих ранее неопознанных вещей может быть востребовано музейными работниками при создании экспозиций и каталогов.

Источники. В работе был использован широкий круг источников, которые разделяются на следующие группы.

Архивные источники включают в себя в первую очередь отчеты о работах Новгородской археологической экспедиции и приложения к ним, хранящиеся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН. Для работы были использованы дела Ф-1, Р-1 №№ 587, 860, 993, 1157, 1278, 1597, 1802, 1940, 2137, 2381, 2542, содержащие сведения о работах на Неревском раскопе за 1951, 1953-1962 гг. При таком значительном объеме данных, часть информации была утрачена. В приложениях к делам №№ 1802, 1940 и 2542 отсутствовали чертежи профилей, что существенно повлияло на уровень анализа стратиграфии. К сожалению, из других источников эту информацию восполнить не удалось.

Камеральные описи. При изучении материальной культуры усадеб первоочередным источником стали камеральные описи Новгородской археологической экспедиции, хранящиеся в Архиве НАЭ ИА РАН. Для работы были использованы описи находок из черного и цветного металла, дерева, кости, стекла и камня за 1951, 1953-1958 гг. Благодаря им удалось получить информацию о коллекции Неревского раскопа в целом, однако значительная часть предметов, в особенности из дерева, черного металла и камня, оказалась в нее не включена. Описи за 1959-1962 гг. хранятся на кафедре археологии МГУ и сохранились частично. Среди них более полно представлены лишь описи предметов из черного металла и кости.

Музейные коллекции. Для непосредственного знакомства с археологическим материалом были исследованы коллекции фондов НГОМЗ (21 опись, в том числе крупные описи КП 35698, КП 35471, КП 35338, А5, А40, А56, А110, А125 и пр.), ГИМ (опись №1965) и Государственного Эрмитажа (опись ЭРА-31). Благодаря им удалось получить изображения основной части предметов, включенных в камеральные описи, и частично дополнить эти описи. Кроме того, было выяснено, что часть вещей, в особенности изделия из дерева и камня, не сохранились в музейных собраниях.

Изобразительные источники. В качестве дополнительного источника в работе использованы рисунки предметов, сделанные командой художников НАЭ сразу по ходу археологических раскопок. Архив рисунков хранится в ЦОАИ НГОМЗ. С их помощью удалось в значительной мере восполнить сведения о многих находках, преимущественно из дерева и кости.

Полевые дневники. Эта группа источников предоставила ценную информацию о характере культурного слоя, который фиксировался в процессе проведения полевых исследований, а также о массовых и некоторых индивидуальных находках. Однако, содержащиеся в дневниках описания не были унифицированы, часть данных была утрачена, и поэтому данные материалы использовались как вспомогательные.

Методология и методы исследования. В основу исследования положен комплексный подход к изучению усадеб, который подразумевает изучение культурного слоя, построек и находок, построение «дневных поверхностей» ярусов и согласование пластов и ярусов.

Конструирование и сопоставление между собой ярусов мостовых и ярусов застройки усадеб опиралось на принцип выделения стратиграфически обособленных пространств, обоснованный М.И. Петровым. Этот принцип заключается в том, что на многослойном памятнике пространство, как правило, ограничено стратиграфическими и архитектурными объектами (частоколами, траншеями, мостовыми), поэтому для каждого из таких пространств необходимо разрабатывать отдельную схему развития и впоследствии согласовывать эти схемы между собой. В условиях отсутствия полноценной дендрохронологической шкалы и тщательно зафиксированной стратиграфии, объем информации, которой можно оперировать для построения подобных схем, сильно ограничен. В таком случае приходится руководствоваться общими представлениями о глубине залегания построек относительно материка, уклоне первоначальной поверхности и большими прослойками, которые перекрывают несколько сооружений или прослеживаются на большом расстоянии. Одним из таких связующих звеньев стал слой пожара конца X в., который был отмечен на

большей части раскопа и на мостовых Великой и Кузьмодемьянской улиц 26-го яруса. Таким образом, весь культурный слой X в. был «зажат» между поверхностью материка и слоем пожара.

Внутри каждой из усадеб на основании анализа глубин залегания построек, подкладок под постройки, дворовых вымосток и обширных угольных прослоек с помощью средств географических информационных систем были построены цифровые модели поверхностей яруса. Данные модели легли в основу процедуры согласования пластов и ярусов с последующим соотнесением комплексов построек и находок.

Материальная культура усадеб исследовалась с точки зрения качественных, количественных и пространственных характеристик. Весь массив обнаруженных предметов был разделен на группы, сформированные по принципу близости выполняемых функций. Впоследствии эти группы были рассмотрены планиграфически с целью выявления особенностей их использования и выпадения в культурный слой.

В целом в работе использованы различные методы: стратиграфический, хронологический, сравнительно-типологический, пространственный анализ, метод аналогий, исторический

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов, предоставленных в этой работе, обеспечена комплексным изучением большого объема взаимосвязанных источников: архивных и вещественных.

Ряд положений работы изложен автором в пяти статьях (четыре опубликованы в рецензируемых изданиях). По теме исследования автор неоднократно выступал с научными докладами на Новгородском научном семинаре и всероссийских и международных конференциях: «Новгород и Новгородская земля: история и археология» (Великий Новгород, 2016, 2017, 2018 гг.), «Археология и история Пскова и Псковской земли» (Псков, 2015, 2017 гг.), «Археология Новгорода: 85 лет исследований и открытий» (Москва, 2017 г.), «Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия.

Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина» (Москва, 2018 г.).

Положения, выносимые на защиту.

1. В середине X в. на Софийской стороне Великого Новгорода находилось два холма: Софийский и Неревский, между которыми располагалась пологонаклонная равнина, образованная осадочными породами. Эта территория была наиболее пригодной для хозяйственного освоения.

2. Первоначальный рельеф местности имел уклон на северо-восток. Под воздействием временных водотоков у подножья Неревского холма была образована промоина, которая впоследствии затянулась культурным слоем.

3. Первоначальный рельеф местности предопределил направление улиц, а также последовательность освоения усадеб Неревского раскопа.

4. Древнейшие постройки, обнаруженные на Неревском раскопе, располагались на предматерике. Культурных отложений, образовавшихся до появления первых построек, зафиксировано не было.

5. К X в. относятся мостовые трех ярусов, которые последовательно сменяли друг друга. Удлинение мостовых в каждом следующем ярусе совпадает с процессом заселения новых усадеб и отражает этот процесс.

6. В середине X в. была освоена территория четырех усадеб, расположенных у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц: «К», «И», «И-2», «Е». Эти усадьбы обладали рядом общих черт в планировке.

7. В третьей четверти X в. наиболее рельефно прослеживается скандинавский компонент в материальной культуре. Вероятно, выходцы с Северной Европы были среди первопоселенцев Неревского конца.

8. В северной части Неревского раскопа застройка в третьей четверти X в. отсутствовала, но здесь было обнаружено большое число находок, в особенности в области промоины в материке. Вероятно, часть этих находок попала сюда в результате смыва с уже освоенной территории под воздействием временных водотоков.

9. В 70-е гг. X в. наблюдается активное развитие застройки, обновляются уличные настилы. В последней четверти столетия обновляется застройка на усадьбах «К», «И», «И-2», «Е», а также появляются первые постройки на усадьбах «Е-1», «Б», «А», «Г», «Д» и «Д-2».

10. В последней четверти X в. становится менее ощутимым скандинавский компонент в материальной культуре, но зато на многих усадьбах появляются импорты из Византии и Южной Руси. Предположительно, этот процесс был связан с приходом в Новгород князя Владимира в 970 г.

11. Финно-угорский компонент в материальной культуре практически незаметен, за исключением некоторых находок на усадьбах «Д», «И-1», «К».

12. В конце X в. на Неревском конце произошел большой пожар, уничтоживший значительную часть застройки. Пожар носил общегородской характер и, вероятно, был связан с крещением Новгорода.

Структура диссертации определена целью работы и поставленными задачами. Работа состоит из введения, пяти глав основной части, заключения и приложения, включающего планы усадеб и таблицы находок.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** приводится общая характеристика работы: обоснована актуальность исследования, кратко описана степень разработанности темы, определены цели и основные задачи исследования. Обозначены теоретическая и практическая значимость работы, ее научная новизна, представлены положения, выносимые на защиту. Охарактеризованы основные методы исследования и описаны использованные источники.

В **главе 1 «История изучения усадеб X в. средневекового Новгорода»** рассматриваются основные работы, касающиеся изучения усадеб в целом и ранних усадеб Новгорода в частности. Данные исследования были сгруппированы в три блока: I. Усадебная застройка, домостроительство, благоустройство. II. Вещевые комплексы, материальная культура. III.

Комплексное изучение усадеб на основе построек, берестяных грамот и вещевых находок.

I. Усадебная застройка, домостроительство, благоустройство. Первыми исследователями этой темы в 50-60-е гг. XX века были Б.А. Колчин и П.И. Засурцев. В работах Б.А. Колчина впервые культурный слой Неревского раскопа был разделен на ярусы, под которыми понималась совокупность хронологически связанных между собой мостовых, жилищ и культурного слоя, включающего находки. К X в. были отнесены три строительных яруса (26–28), для которых благодаря дендрохронологическому методу датирования были впервые получены точные даты строительства мостовых: 28 ярус был сооружен в 953 г.; 27 – в 972 г.; 26 сооружен в 989 г. и просуществовал до 1005 г.

Изучение усадеб и построек средневекового Новгорода стало темой исследования П.И. Засурцева. Он подробно рассмотрел конструкцию жилищ, разработал типологию жилых домов, детально изучил застройку усадеб X-XV вв., отметил особенности их развития. Его работа до сих пор является основной при исследовании усадеб Неревского раскопа.

Благодаря дальнейшему археологическому изучению Новгорода и появлению новых данных, многие из древнейших построек Неревского раскопа, в последние десятилетия были пересмотрены Н.Н. Фараджевой. В ряде статей она отметила сходство некоторых приемов домостроительства Троицкого и Неревского раскопов, которые не были выявлены ранее. У ряда построек X в. на Неревском раскопе были обнаружены фундаментные площадки, по-новому были атрибутированы некоторые привходные конструкции (крыльца-площадки, трехстенные прирубы). Это привело к принципиально новой оценке использовавшихся строительных приемов.

Теме благоустройства усадеб, устройству мостовых и усадебных оград посвятил ряд своих работ А.Н. Сорокин, который отметил для раннего Новгорода ряд характерных особенностей, а именно: существование наряду с «традиционными мостовыми», мостовых, опиравшихся на две лаги,

комбинированное мощение уличных настилов и использование плетневых ограждений.

II. Вещевые комплексы, материальная культура. Параллельно с исследованием строительных сооружений активно велась работа по изучению разнообразных категорий предметов из всех известных в средневековом Новгороде материалов: железа, цветного металла, кости, глины, стекла, камня и янтаря, кожи и дерева. Изделия X в. в основном рассматривались в рамках обобщающих работ по той или иной категории находок. На первых порах основной задачей изучения вещевых коллекций была систематизация находок, разработка типологии и хронологии изделий, поиски аналогий и установление этнокультурных взаимосвязей. Работ такого формата очень много, поэтому в рамках данного исследования рассмотрены лишь основные из них.

Орудия труда, инструменты и другие многочисленные железные изделия стали предметом многолетних исследований Б.А. Колчина, который систематизировал большую коллекцию инструментов, обосновал и датировал многие типы предметов и впервые применил металлографический анализ.

Одновременно с этим А.Ф. Медведев занимался изучением вооружения Древнего Новгорода. В ряде своих работ он обобщил накопленные в ходе археологических исследований данные, выделил и датировал типы оружия ближнего и дальнего боя, защитного вооружения и снаряжения всадника. В дальнейшем материалы Неревского раскопа были привлечены для общей характеристики военного дела А.Н. Кирпичниковым, составившим свод предметов вооружения IX-XIII вв. с территории Древней Руси.

Коллекция ювелирных изделий, насчитывающая сотни разнообразных предметов, была собрана, систематизирована и проанализирована М.В. Седовой, посвятившей этой проблематике несколько работ. Среди многочисленных предметов из цветного металла автор выделила изделия, характерные для X в., и обозначила этнические признаки для некоторых ювелирных предметов.

В последние десятилетия ювелирные украшения стали темой исследования Л.В. Покровской, которая систематизировала коллекцию ювелирных изделий Троицкого раскопа и сравнила их с материалами Неревского раскопа.

Для эпохи раннего средневековья одной из важнейших категорий предметов являются стеклянные бусы. К изучению этой темы в середине 50-х гг. XX в. обратилась Ю.Л. Щапова, которая в своей работе предложила типологию стеклянных бус и определила временные рамки бытования каждого типа.

Коллекция украшений из камня и изделий из янтаря, найденных на Неревском раскопе, была полностью проанализирована М.Д. Полубояриновой. Автор отметила характерные для X в. бусы из сердолика и хрусталя, а также появление в ранний период янтарных изделий.

Изделия кожевенного ремесла были впервые рассмотрены С.А. Изюмовой, которая систематизировала коллекцию кожаных изделий, и выделила основные типы изделий, характерные для X в., несмотря на плохую сохранность кожи в ранних слоях.

Самую многочисленную группу в вещевой коллекции Новгорода составляют деревянные предметы, ассортимент которых необычайно велик. Систематизацией этого материала занимался Б.А. Колчин, подготовившей два свода деревянных изделий из раскопок Новгорода, в которых рассмотрел все их категории.

Изделия из кости долго оставались вне поля зрения исследователей Новгорода. Лишь на исходе XX в. изучением косторезного ремесла занялась Л.И. Смирнова, которая проанализировала видовой состав костей и рогов животных, использованных для изготовления костяных предметов, и предприняла изучение отдельных категорий изделий.

Наряду с систематизацией коллекций индивидуальных предметов началось изучение массового материала и прежде всего керамики. Их анализу посвятила свою научную деятельность Г.П. Смирнова, которая выделила и

датировала основные типы керамической посуды, а впоследствии более близко исследовала раннегончарную и лепную керамику X в. В последние десятилетия к изучению лепной керамики обратился А.В. Плохов. Он передатировал распространение лепной керамики в Новгороде и рассмотрел эту категорию в более широком культурно-историческом контексте.

III. Комплексное изучение новгородских усадеб. Одной из первых попыток такого целостного подхода к усадьбам является научно-популярная работа П.И. Засурцева «Новгород, открытый археологами», в которой автор вкратце рассмотрел все усадьбы Неревского раскопа X-XV вв. и предпринял попытку охарактеризовать материальную культуру и социальный статус ее владельцев.

В 2000-е гг. изучение усадеб разделилось на два направления: теоретическое и методологическое обоснование подходов к их исследованию и публикация материалов. Большую роль в разработке принципов исследования новгородских усадеб сыграл М.И. Петров, апробировавший свою методику на ряде раскопов Великого Новгорода.

Таким образом, к настоящему времени накоплен большой объем информации о культуре и быте жителей древнейших усадеб Новгорода, выработаны методические приемы обработки этих данных. Это является надежным фундаментом для дальнейшего изучения и введения в научный оборот материалов Неревского раскопа на современном научном уровне.

В главе 2 «Материковые отложения Неревского раскопа и проблема доярусного слоя» рассматривается первоначальный рельеф местности, его геологическое происхождение, а также проблема возможного освоения Неревского конца до появления первых построек.

Усадьбы Неревского конца в X в. располагались на пологой наклонной равнине между двумя холмами: Софийским и Неревским. Эта равнина была сложена из осадочных пород озерного происхождения и имела незначительный уклон к северо-востоку. По мере приближения к Волхову уклон постепенно увеличивался и у подножья Неревского холма переходил в промоину, в которой

затем аккумулировался культурный слой. Это обстоятельство в значительной степени обусловило последовательность заселения Неревского конца, поскольку наиболее ранние усадьбы располагались на участках с более пологим рельефом.

Древнейшее ядро Новгорода находилось в Людином конце, начало освоения которого датируется 930-ми гг. В течение следующих десятилетий город активно развивался, и к 50-м гг. X в. началось освоение Неревского конца. Долгое время в отечественной историографии бытовало мнение, что появлению первых сооружений в этой части города предшествовал т.н. «доярусный слой» мощностью до 1 м, с которым связана наиболее архаичная лепная керамика. Детальный анализ первоначального рельефа и древнейших напластований Неревского раскопа показал, что использование термина «доярусный слой» не вполне правомерно. Самые ранние постройки здесь возводятся на предматерике, и под ними не было обнаружено культурных отложений более раннего периода. Хронология лепной керамики укладывается в общие представления о бытовании этой посуды на Северо-Западе Руси, а ее пространственное распределение по усадьбам скорее отображает динамику развития города в 50-60-е гг. X в.

Глава 3 «Улицы Неревского конца X в.» посвящена изучению развития уличного мощения и конструктивных особенностей улиц в X в.

Улицы являлись своеобразным каркасом, вокруг которых образовывался средневековый город, и развитие каждой из них было связано с динамикой развития определенного района. На Неревском раскопе проходят трассы трех улиц: Великой, Кузьмодемьянской и Холопьев. Со слоями X в. традиционно связываются мостовые 26-го, 27-го, 28-го ярусов. Благодаря применению дендрохронологического метода датирования было достоверно установлено время строительства уличных настилов: 28-й ярус датируется 953 г., 27-й ярус – 972 г., 26-й ярус – 989 г.

Мостовые Великой и Кузьмодемьянской улиц 28-го яруса были обнаружены в южной половине Неревского раскопа. Великая улица в это время

прослеживается с юга на север на 53 м, Кузьмодемьянская улица – на 19 м с запада на восток. Затем мощение прерывается, сменяясь грунтовой дорогой, и возобновляется на ограниченном участке в северо-восточной части раскопа в зоне материковой западины. Практически везде древнейшие ярусы мостовых залегают на предматериковом слое на расстоянии 20-25 см от материка. Древнейшие улицы имели «традиционное» устройство и состояли из плах шириной около 20 см и трех лаг диаметром 16-20 см, опиравшихся на перпендикулярные подкладки. На ограниченном участке Великой улицы использовалось продольное мощение, что встречается только у ранних улиц.

В северной части Неревского раскопа в области материковой западины был зафиксирован небольшой участок мощения Великой улицы длиной около 20 м и ответвляющийся на восток от нее настил. Назначение и причины появления этого мощения на значительном удалении от остальных улиц остаются не до конца решенным вопросом. С одной стороны, подобные сооружения могли служить в качестве временных настилов в затопляемой низине, что отчасти подтверждается первоначальным рельефом. С другой стороны, 28-ой ярус в северо-восточной части раскопа мог быть сооружен для того, чтобы поднять уровень следующего яруса мостовой и уберечь ее от затопления в период паводков.

В 70-е годы X века происходит дальнейшее развитие уличной сети. Мостовые 27-го яруса Великой и Кузьмодемьянской улиц на большей части раскопа залегают поверх мостовой 28 яруса, и, с незначительными отклонениями, повторяют ее уклон. Участок мостовой 27-го яруса вдоль усадеб «Е» и «Б» являлся древнейшим и располагался непосредственно на предматерике. Длина мостовой Великой улицы с юга на север увеличивается на 32 м и достигает 85-ти м, затем она прерывается на 28 м и продолжается снова. Кузьмодемьянская улица также в 27-ом ярусе развивается и удлиняется к западу на 17,5 м, достигая в целом 36 м.

Сохранность конструкций 27-го яруса плохая. Как и в предыдущем ярусе, мостовая имела «традиционное» устройство: она состояла из трех лаг, лежащих

на перпендикулярных подкладках, и настила из плах, досок и небольших бревен. Вдоль усадьбы «Б» частично использовалось продольное мощение из нескольких бревен. Также в северной части Неревского раскопа в 27-м ярусе зафиксирован второй ярус настила, ответвляющегося от Великой улицы.

В 26-ом ярусе мостовая Великой улицы прослеживается на всю длину в пределах Неревского раскопа (155 м), и практически на всем своем протяжении она лежит непосредственно поверх настила 27-го яруса. Кузьмодемьянская улица не изменяется в размерах по сравнению с предыдущим периодом. В северной части раскопа между двумя ярусами Великой улицы наблюдается мощная глиняная прослойка толщиной около 30 см, благодаря которой уровень мостовой 26-го яруса значительно поднимается. Причины этого пока остаются невыясненными. Также в данном ярусе исчезает настил, ответвляющийся от Великой улицы в северной части Неревского раскопа и формируются контуры будущей Холопьевой улицы.

Целостность конструкций традиционно для ранних мостовых очень плохая. Относительно хорошо сохранились только лаги и подкладки Кузьмодемьянской улицы, в то время как на остальной части Неревского раскопа практически все элементы мостовых представляют собой небольшие обломки бревен, плах и досок. В нескольких случаях на поверхности настила Великой и Кузьмодемьянской улиц зафиксированы следы пожара.

Говоря в целом об улицах X в., нужно отметить, что уже со времени возникновения города был известен «традиционный» способ устройства мостовых, который остался практически неизменным до XV в. Особенностью древнейших мостовых Неревского конца является применение различных способов укладки настилов. Важно также обратить внимание на изменения ширины улицы. В 28-ом ярусе средняя ширина Великой улицы составляла 3,4 – 3,6 м; Кузьмодемьянской – 3,6 м. В 27-ом ярусе мостовые сужаются, и средняя ширина мостовой Великой улицы уже равняется 2,5 – 2,7 м, местами уменьшаясь до 2,1 м. В 26-ом ярусе происходит значительное расширение Великой улицы, средняя длина плах которой колеблется от 3,2 до 4,4 м.

Кузьмодемьянская улица в это время сохраняет размеры 27 яруса, составляющие в среднем 2,5 – 2,7 м. Таким образом, в 26-ом ярусе Великая улица отчетливо выражается внешне как основная магистраль движения.

Глава 4 «Усадьбы Неревского раскопа в третьей четверти X в.» посвящена анализу застройки и материальной культуры древнейших усадеб Неревского конца.

Освоение Неревского конца началось в середине X в, о чем свидетельствуют дендродаты, полученные с лаг 28-го яруса Кузьмодемьянской улицы (953 г.). Постройки этого времени обнаружены на четырех усадьбах («К», «И-2», «И», «Е»), находившихся у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц.

На усадьбе «К» в третьей четверти X в. располагался жилой сруб на фундаментной площадке с печью в углу, две хозяйственные постройки, связанные между собой деревянным настилом, и колодец. Жители этого владения занимались рыболовством, деревообработкой и текстильным производством. Комплекс характерных предметов вооружения и деталей конского снаряжения свидетельствует о том, что хозяин был конным воином и, вероятно, участвовал в походах князя Святослава на Балканы в 60-70-е гг. X в.

На усадьбе «И» в это время находилась одна большая постройка, имевшая, вероятно полифункциональное назначение, хозяйственное сооружение малых размеров и дворовый настил, выходящий на Кузьмодемьянскую улицу. В хозяйственном отношении эта территория представляла собой вполне рядовое владение, жители которого занимались охотой, рыбной ловлей, прядением, ткачеством и пр. Также имеются косвенные свидетельства того, что один из членов проживающей здесь семьи имел отношение к военному делу.

Усадьба «И-2» была исследована частично, и в пределы раскопа попала только одна хозяйственная постройка, датированная третьей четвертью X в. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эта территория мало отличалась от соседних усадеб в хозяйственном отношении.

На усадьбе «Е» в третьей четверти X в. находилось два сруба, соединенных дворовой вымосткой. Один из домов имел значительные размеры и был жилым, второе сооружение носило хозяйственный характер. Анализ материальной культуры свидетельствует о том, что эта усадьба была вполне ординарной для своего времени и имеющиеся предметы не позволяют выделить какую-то специфическую деятельность ее владельцев. В круг занятий хозяев усадьбы входила промысловая добыча (охота, рыбная ловля), возможно, сельское хозяйство, текстильное производство.

Территория к северу от усадьбы «Е» и к востоку от Великой улицы в третьей четверти X в. была еще не заселена, однако здесь зафиксирован культурный слой, вмещающий находки этого времени. Рельеф данного участка представлял собой полого-наклонную равнину с уклоном на северо-восток, который постепенно усиливался и переходил в промоину, образованную временными водотоками.

На территории, где впоследствии расположилась усадьба «А», были зафиксированы лишь отдельные участки частокола вдоль уличных вымосток и в зоне материковой западины, а также отдельные доски и бревна, которые не формировали каких-либо выраженных конструкций. При полном отсутствии построек данный участок оказался очень богат находками, которые к тому же имели одну из наиболее плотных концентраций в сравнении с другими усадьбами Неревского конца X в. Обнаруженные здесь вещи отличаются большим разнообразием представленных категорий, которые в целом характерны и для других владений этого времени (предметы быта, хозяйственный инвентарь, инструменты, промысловые орудия, украшения и пр.). Особенностью данной коллекции является очень высокая концентрация стеклянных бус, разнообразных фибул из цветного металла, роговых гребней и костяных проколов. Такого количества вещей не было найдено ни на одной другой из усадеб. Из специфических деталей следует отметить находки редких для X в. элементов конского и всаднического снаряжения, большое разнообразие железных стрел и высокую концентрацию счетных бирок. Часть

находок, очевидно, попала сюда из верхнего яруса в результате вертикального перемешивания слоев.

Вероятно, в 50-60-е гг. X в. в низине, где впоследствии была расположена усадьба «А», под воздействием временных водотоков постепенно аккумулировался культурный слой с находками. Эта гипотеза также подтверждается анализом распределения вещей в пространстве. Большая их часть оказалась сосредоточена в месте наиболее резкого перепада высот, а также рядом с линией частоколов, который выступал естественной преградой при плоскостном смыве. Кроме того, нельзя исключать, что в некоторых случаях низина на окраине освоенной территории могла использоваться для утилизации ненужных вещей.

Пространство между промоиной и северной границей усадьбы «Е», где впоследствии расположились усадьбы «Б» и «Б-1» также не было освоено в третьей четверти X в. Здесь наблюдается определенное запустение и встречаются лишь отдельные предметы преимущественно из материковых ям. Важно отметить, что среди находок на предматерике были встречены довольно яркие предметы воинского и конского снаряжения, амулеты и разнообразные личные принадлежности.

Для всех усадеб третьей четверти X в. отмечается ряд общих признаков. На каждой из них имелся главный жилой дом, одна – две хозяйственные постройки, расположенные на периферии владения, и дворовые вымостки, соединяющие эти постройки. Все владения этого времени имели схожую вещевую коллекцию. Здесь были встречены бусы, из которых основную часть составляли бусы в технике тянутой трубочки, универсальные инструменты, домашняя посуда, односторонние гребни, орудия прядения и ткачества, рыболовный инвентарь, детали саней и пр. Также важно подчеркнуть, что на всех ранних усадьбах были найдены предметы, связанные с древностями Северной Европы (шейная гривна, предмет с трискелионами, полосатые сланцевые оселки, бронзовая круглая привеска с подтреугольным орнаментом, молочно-белые бусы, зооморфные остроконечники, глиняные грузила

вертикального ткацкого станка). Возможно, на некоторых из владений скандинавы были среди первопоселенцев.

В главе 5 «Усадьбы Неревского раскопа в последней четверти X в.» рассматривается усадебная планировка, конструкции построек и материальная культура усадеб Неревского конца в 70-90-е гг. X в.

В последней четверти X в. в Неревском конце наблюдается активное развитие застройки. В это время обновляются и удлиняются мостовые улиц, увеличивается число построек и оформляются границы на усадьбах «Е» и «И», появляются первые сооружения на усадьбах «Д», «Д-2», «Б», «А» и «Г». Предположительно, эти изменения были связаны с приходом в Новгородскую землю князя Владимира в 970 г.

На усадьбе «К» в последней четверти X в. оформляются постоянные границы владения, но вместе с тем акцент в застройке заметно смещается в южную половину усадьбы. В это время здесь располагалось два сруба на фундаментной площадке, один из которых имел жилое, а второй хозяйственное назначение. Несмотря на существенные изменения в планировке, характер материальной культуры абсолютно не изменился по сравнению с предыдущим периодом, что свидетельствует о постоянном проживании на этой территории одной семьи. Здесь по-прежнему встречаются предметы вооружения и конского снаряжения, а также характерные предметы быта: инструменты деревообработки, текстильного производства, рыболовный инвентарь, детали транспорта. Также на усадьбе «К» продолжают бытовать предметы скандинавского круга древностей, но исчезают другие импорты.

Усадьба «И» по сравнению с предыдущим периодом расширилась. В последней четверти X в. здесь находилось четыре постройки, две из которых были жилыми, а две служили в хозяйственных целях. В бытовом плане наблюдается преемственность по отношению к предыдущему периоду. По-прежнему важное место здесь занимала рыбная ловля, охота, обработка льна и текстильное производство. Появляются предметы, связанные с литейным

производством, и исчезают предметы вооружения, что свидетельствуют об определенных переменах в деятельности жителей усадьбы.

Усадьба «И-2» также подвергается изменениям, как в планировке, так и в материальной культуре. Хозяйственная постройка из центра усадьбы смещается в юго-западную ее часть. В вещевой коллекции появляется большое число предметов, связанных с ювелирным делом, а также предметы вооружения, имеющие аналогии в Южной Руси.

На усадьбе «И-1» построек в слоях последней четверти X в. не обнаружено, но в то же время имеются следы хозяйственной активности на этой территории. Здесь встречены различные бытовые принадлежности, рыболовный инвентарь, инструменты текстильного производства, бусы из стекла и камня, изделия из цветного металла. Важно отметить наличие на усадьбе украшений и деталей костюма, связанных со скандинавскими и финно-угорскими древностями.

На усадьбе «Е» в последней четверти X в. наблюдается активное развитие застройки, формируются границы владения. В это время здесь существовало два, соединенных вымостками, больших дома в южной части двора и несколько хозяйственных сооружений в северной. В хозяйственной деятельности наблюдается преемственность по сравнению с предыдущим периодом. Жители этой усадьбы занимались деревообработкой, текстильным производством, охотой, рыбалкой, а также земледелием, о чем свидетельствует крупнейшая среди всех усадеб Неревского раскопа коллекция сельскохозяйственных орудий. Вместе с тем, в материальной культуре исчезают предметы скандинавского круга древностей.

Усадьба «Е-1», расположенная к востоку от усадьбы «Е», только формируется в последней четверти X в. В это время здесь выделяется два условных этапа застройки, которые датировать точно не представляется возможным. На первом этапе существовало три постройки, одна жилая, расположенная в центральной части усадьбы, и две хозяйственные. Ближе к концу данного периода основная постройка усадьбы обновляется и у северного

частокола возникает еще одно сооружение. Вероятно, в течение определенного времени постройки первого и второго этапа сосуществовали. Жители этого владения занимались охотой, обработкой прядильных растений, прядением и пр. В отличие от большинства других владений этого времени здесь в очень небольшом количестве был найден рыболовный инвентарь и орудия работы на ткацком станке. В то же время здесь обнаружены инструменты для взвешивания и престижная посуда византийского происхождения, что свидетельствует о связях владельца усадьбы с Южной Русью.

Усадьба «Б» также начинает формироваться в последней четверти X в., хотя ее границы в данный период четко не выражены. К этому времени относятся три постройки, две из которых являлись жилыми, а одна служила в хозяйственных целях, о чем свидетельствуют ее малые размеры. Облик материальной культуры усадьбы «Б» в целом типичен для хозяйств этого времени. Анализ вещевой коллекции свидетельствует о том, что жители усадьбы занимались рыбной ловлей, охотой, изготовлением тканей и пр. Хозяин этого владения, по всей видимости, имел отношение к воинской культуре, о чем в первую очередь свидетельствуют характерные предметы вооружения и элементы всаднической экипировки. Кроме того, на этой территории в слоях второй половины X в. были встречены вещи, связанные с византийскими древностями, что указывает на контакты владельцев усадьбы с южными регионами, клад восточных монет, большое количество предметов из цветного металла, стекла и рога.

В эти десятилетия отдельно формируется территория к востоку от усадьбы «Е-1» и к югу от усадьбы «Б», где были обнаружены разнообразные находки, но сооружения отсутствовали, за исключением отдельных развалов бревен. Здесь были встречены обломки столовой посуды, хозяйственные принадлежности, инструменты, орудия рыбной ловли, охотничий инвентарь, орудия прядения и ткачества, украшения и пр. Возможно, во второй половине X в. данная территория использовалась владельцами соседних усадеб в каких-то хозяйственных нуждах.

Также в последней четверти X в. формируются контуры усадьбы «А», попавшей в пределы Неревского раскопа не полностью. От сооружений этого времени здесь остались только развалы бревен и досок, часть из которых обгорела. Материальная культура представлена типичными для других усадеб вещами: обломками посуды, инструментами, стеклянными украшениями и пр. Среди прочего здесь было найдено большое количество счетных бироков.

Примерно в 70-е гг. X в. начинается освоение территории к северо-западу от перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. На усадьбе «Д» в эти годы формируются усадебные границы, и появляются первые постройки. В третьей четверти X в. здесь располагались жилой сруб на фундаментной площадке, небольшая хозяйственная постройка, погреб и ряд ям, зафиксированных на периферии владения. Вещевая коллекция усадьбы «Д» состояла в основном из типичных для владений этого времени предметов. В сферу хозяйственной деятельности жителей входили производство текстиля, рыбная ловля, охота, сельское хозяйство. Возможно, в западной части двора располагалась небольшая мастерская, связанная с обработкой металла. Хозяева усадьбы, предположительно, были связаны с пушным промыслом и имели отношение к финно-угорскому миру, что подтверждают характерные для этого региона украшения и амулеты. Важно отметить, что на этой территории был найден большой клад восточных монет и обломки престижной посуды, что свидетельствует об определенном благосостоянии жителей усадьбы.

Территория усадьбы «Д-2» также начинает заселяться только в последней четверти X в. В это время в северной части двора располагались жилой сруб средних размеров и небольшая хозяйственная постройка с крыльцом. Вещевая коллекция этого владения довольно типична и не имеет ярко выраженных особенностей. Здесь занимались текстильным производством, рыбной ловлей, домашними ремеслами и пр. Среди особенностей стоит отметить отдельные находки предметов скандинавского круга древностей.

Таким образом, в последней четверти X в. была заселена большая часть усадеб, исследованных на Неревском раскопе. Особенностью этого периода

является активное освоение новых территорий и расширение застройки на владениях, сформированных в третьей четверти X в. В последней четверти X в. рельефно проявляется социально-культурная принадлежность некоторых усадеб. Усадьбы «К» и «Б», по-видимому, принадлежали людям, связанным с воинской субкультурой; на усадьбе «И-2» проживал ювелир-ремесленник; усадьбой «Д», вероятно, владел человек, занимавшийся пушным промыслом.

Также в эти десятилетия наблюдается уменьшение количества предметов скандинавского круга древностей и, напротив, возрастает число вещей, связанных с южными регионами (Южная Русь, Византия). По-видимому, это явление было вызвано приходом в Новгород князя Владимира в 970 году. Кроме того, на некоторых усадьбах отмечены вещи, характерные для финно-угорских древностей, но они составляют меньшинство этно-определимых находок.

В конце X в. произошел большой пожар, уничтоживший значительную часть застройки практически на всех владениях. Обширные угольные прослойки и обгоревшие сооружения были зафиксированы на усадьбах «К», «И», «И-2», «Е», «Е-1», «Б», «А», «Г», «Д» и «Д-2», а также на мостовой Великой и Кузьмодемьянской улицы 26-го яруса (989 г.). По материалам Троицкого раскопа на значительной части усадеб также фиксируется пожар в слоях 990-1000 гг. Очевидно, это явление носило общегородской характер и было вызвано драматическими событиями конца X в., связанными с крещением Новгорода.

В заключении работы подводятся общие итоги исследования, суммируются выводы предыдущих глав и дается характеристика усадеб Неревского конца X в. в целом.

Освоение Неревского конца началось в середине X в. и шло постепенно с юга на север, что определялось рельефом местности и прочими естественными условиями. Первыми осваивались усадьбы, примыкавшие к Великой улице, служившей основной сухопутной магистралью. В третьей четверти X в. были заселены четыре усадьбы: «К», «И», «И-2» и «Е». В целом эти владения были

вполне рядовыми, и имели схожую материальную культуру. Их жители занимались деревообработкой, рыбной ловлей, прядением и ткачеством, на всех усадьбах было обнаружено большое количество стеклянных бус, инструментов, обломков столовой посуды и пр. Также в третьей четверти наиболее отчетливо проявляется скандинавский компонент в материальной культуре. На фоне остальных усадеб особенно выделяется усадьба «К», принадлежавшая конному воину.

В последней четверти X в. наблюдается активное развитие усадебной застройки, расширяются уже заселенные территории и осваиваются новые. В это время первые постройки возникают на усадьбах «Е-1», «Б», «А», «Г», «Д» и «Д-2», увеличивается количество сооружений на усадьбах «Е» и «И», изменяется планировка усадеб «К» и «И-2». В последней четверти X в. становится менее заметен скандинавский компонент в материальной культуре и возрастает роль южных импортов. Также более отчетливо становится видна социально-культурная принадлежность многих усадеб. Усадьбами «К» и «Б» владели представители воинского сословия, усадьба «И-2» принадлежала ювелиру-ремесленнику, на усадьбе «Д» проживал человек, связанный с пушным промыслом. Также нельзя не отметить находки кладов восточных монет на усадьбах «Б» и «Д».

В конце X в. Неревский конец подвергся большому пожару, который уничтожил большую часть застройки. Этот пожар носил общегородской характер и, вероятно, был связан с крещением Новгорода.

Список публикаций в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI (РИНЦ) и в изданиях, утверждённых решением Ученого Совета МГУ имени М.В. Ломоносова (по группе специальности 07.00.00 – исторические науки и археология):

1. *Гринев А.М.* История изучения усадеб X в. средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2018. – № 6. – С. 176-191.

2. *Гринев А.М.* К вопросу о так называемом «доярусном слое» Неревского раскопа // Клио. – 2018. – №9 (141). – С. 149-152.
3. *Гринев А.М.* О новых видах настольных игр в средневековом Новгороде // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 2. – С. 81-88.
4. *Гринев А.М.* Деревянные конские путы X в. с Неревского раскопа // Археологические вести. – СПб., 2017. – Вып. 23. – С. 250-252.

Список публикаций в других изданиях:

1. *Гринев А.М.* Скандинавский след в материальной культуре раннего Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. – С. 72-73. (Труды исторического факультета МГУ; вып. 140. Сер. II, Исторические исследования; 83)